

63.3(2)

Т 53

ТР

ГОЛОСЬ ТОЛСТОГО

Л. Н. Толстой

Къ политическимъ
дѣятелямъ.

88 п. а/х

Издание „ЕДИНЕНИЯ“

подъ редакціей В. Г. Черткова

№ 11.

170
Не въ силѣ Богъ,
а въ правдѣ.

тельство: „СОЛДАТЬ-ГРАЖДАНИНЪ“.

1917.

190

М-53

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗДНЕ
обозначенного здесь срока

БР - ЛТФ

63.3 (2)

Т53

149

3/5

Михаил

2.8.25

149
ТБ-53.

КЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ДѢЯТЕЛЯМЪ.

Л. Н. Толстого.

The most fatal error that ever happened in the world was the separation of political and ethical science.

Shelley.

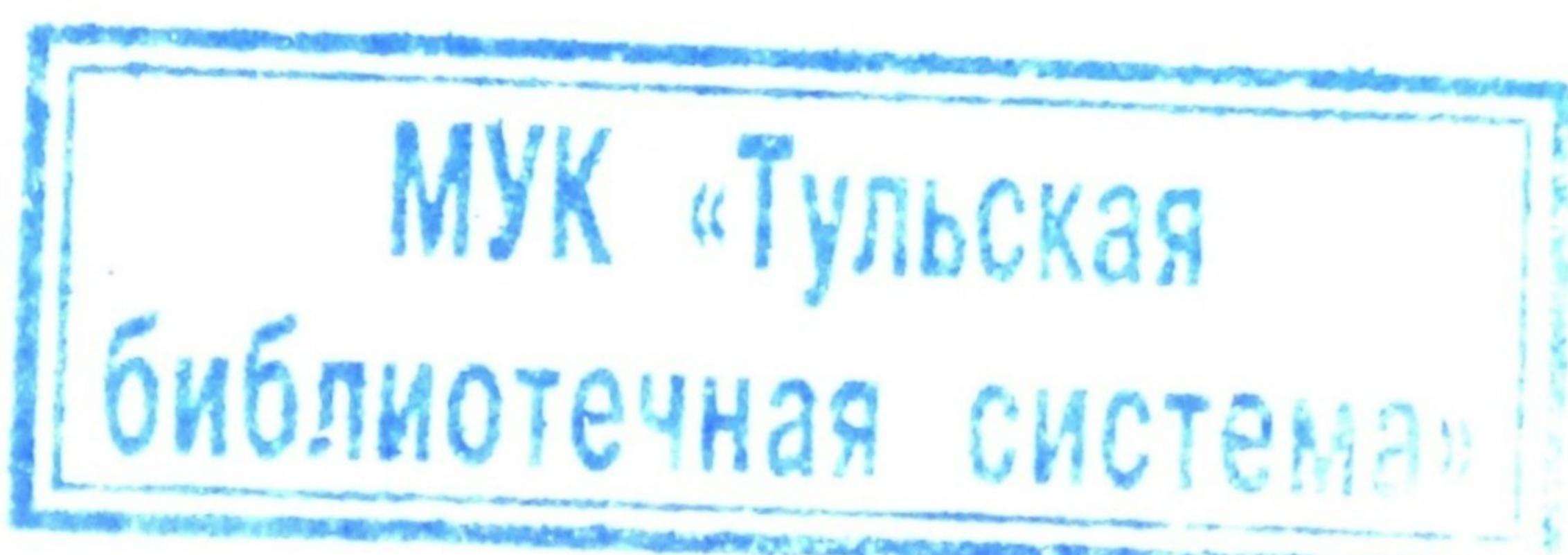
Самой губительной ошибкой, которая когда-либо была сделана въ мірѣ, было отдѣленіе политической науки отъ нравственной.

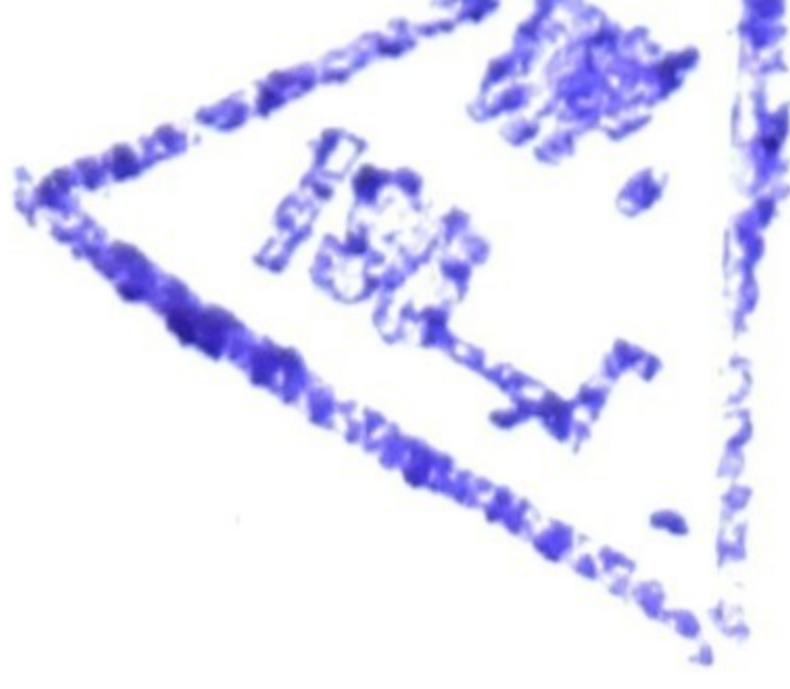
Шелли.

Въ обращеніи моемъ къ рабочему народу*) я высказалъ мысль о томъ, что для того, чтобы рабочимъ избавиться отъ своего угнетенія, имъ нужно самимъ перестать жить такъ, какъ они живутъ теперь, борясь съ ближними для своего личнаго блага, а жить по евангельскому правилу— «поступать съ другими такъ же, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой».

Это предлагаемое мною средство вызвало, какъ я и ожидалъ, одно и то же сужденіе, или скон-

*) „Къ рабочему народу“, Л. Н. Толстого. Издание „Единение“, № 9, ц. 40 к.

рѣе осужденіе отъ людей самыхъ противоположныхъ направлений.

«Утопія, непрактично. Дожидаться для избавленія людей, страдающихъ отъ угнетенія и насилия, чтобы они всѣ сдѣлались добродѣтельными, значитъ, признавая существующее зло, обрекать себя на бездѣйствіе».

И вотъ мнѣ захотѣлось сказать нѣсколько словъ о томъ, почему я считаю, что мысль эта не такъ непрактична, какъ это кажется, а напротивъ заслуживаетъ того, чтобы на нее было обращено вниманія болѣе, чѣмъ на всѣ другія предлагаемыя учеными людьми средства для улучшенія общественнаго устройства,—сказать это тѣмъ людямъ, которые искренно, не на словахъ, а на дѣлѣ желаютъ служить ближнему.

Къ этимъ-то людямъ и обращаюсь теперь.

I.

Руководящіе дѣятельностью людей идеалы общественной жизни измѣняются, и, съ измѣненіемъ ихъ, измѣняется и складъ жизни людей. Было время, когда идеаломъ общественной жизни была полная животная свобода, при которой, по мѣрѣ своей силы, одни люди въ прямомъ и переносномъ смыслѣ пожирали другихъ. Потомъ наступило время, когда общественнымъ идеаломъ стало могущество одного, и люди обоготовляли властителей и не только охотно, но восторженно покорялись имъ — Египетъ, Римъ: *Morituri te salut-*

tant» *). Потомъ сознанъ быль людьми идеалъ такого устройства жизни, при которомъ власть признавалась уже не сама для себя, а для упорядоченія жизни людей. Попытками осуществленія такого идеала были одно время всемірная монархія, потомъ всемірная церковь, соединяющая различные государства и руководящая ими, потомъ выступилъ идеалъ представительства, потомъ республики со всеобщей или безъ всеобщей подачи голосовъ. Теперь считають, что идеалъ этотъ можетъ быть осуществленъ посредствомъ такого экономического устройства, при которомъ всѣ орудія труда перестанутъ быть частною собственностью, а будуть достояніемъ всего народа.

Какъ ни различны всѣ эти идеалы, для проведения ихъ въ жизни всегда предполагалась власть, т. е. принудительная сила, заставляющая людей исполнять установленные законы. То же предполагается и теперь.

Предполагается, что осуществленіе наибольшаго блага всѣхъ достигается тѣмъ, что одни люди (по китайскому учению самые добродѣтельные, по европейскому учению помазанники, или избранныки народа), получивъ власть, устанавливаютъ и поддерживаютъ такие порядки, при которыхъ достигается

*.) Во времена владычества древняго Рима любимымъ общественнымъ зрѣлищемъ была драка борцовъ между собою или съ дикими звѣрями. Когда это происходило въ присутствіи императора, то борцы, или, какъ ихъ называли, „гладіаторы“, передъ началомъ зрѣлища торжественно приближались къ нему, восклицая: „ave Caesar! Morituri te salutant“: что значитъ: „Здравствуй Цезарь! Идущіе на смерть тебя привѣтствуютъ.“

Ред.

наибольшая возможная обезпеченность гражданъ отъ взаимныхъ посягательствъ на трудъ, свободу и жизнь другъ друга. Не только люди, признающіе государственное устройство необходимымъ условіемъ жизни человѣческой, но и революціонеры и соціалисты, хотя считающіе существующее государственное устройство подлежащимъ измѣненію, признаютъ все-таки власть, т. е. право и возможность однихъ людей приуждать другихъ исполнять установленные законы, необходимымъ условіемъ благоустройства общества.

Такъ это велось съ давнихъ временъ, ведется и до сихъ поръ. Но люди, принужденные силою подчиняться извѣстнымъ порядкамъ, не всегда считали эти порядки наилучшими и потому часто возмущались противъ властивующихъ, свергали ихъ и устанавливали на мѣсто прежнихъ свои новые порядки, которые, по ихъ мнѣнію, обеспечивали большее благо людей. Но такъ какъ люди, обладавшіе властью, всегда разращались этимъ обладаніемъ, и потому пользовались властью не столько для блага общаго, сколько для своего личнаго, то всегда новая власть была такая же, какъ и прежняя и часто еще болѣе несправедливая.

Такъ это было, когда возставшіе противъ существующей власти одолѣвали ее. Когда же побѣда оставалась на сторонѣ существующей, то восторжествовавшая власть для огражденія себя всегда усиливала средства своей обороны и становилась еще болѣе стѣсняющей свободу своихъ гражданъ.

Такъ это было всегда и въ древности, и въ новое время, и такъ это съ особенной поучительно-

стю происходило въ нашемъ европейскомъ мірѣ въ продолженіе всего XIX столѣтія. Въ первой половинѣ этого вѣка революціи были большей частью успѣшныя, но новыя власти, замѣнившія старыя: Наполеонъ I, Карль X, Наполеонъ III,—не увеличили свободу гражданъ. Во второй же половинѣ, послѣ 1848 года, всѣ попытки революціи подавлялись правительствами; и, вслѣдствіе прежнихъ революцій и попытокъ новыхъ, правительства, оброняя себя все болѣе и болѣе, благодаря техническимъ изобрѣтеніямъ прошлаго столѣтія, давшимъ людямъ несуществовавшую прежде власть людей надъ природою и другъ надъ другомъ, усиливали свою власть и довели ее къ концу прошлаго вѣка до такой степени, что борьба съ ними народа стала невозможна. Правительства захватили въ свои руки не только огромныя богатства, собираемыя ими съ народа, не только дисциплинированныя, искусно набираемыя войска, но и всѣ духовныя средства воздействиа на массы: руководство прессой, религіознымъ направленіемъ и, главное, воспитаніемъ. И средства эти такъ организованы и такъ могущественны, что съ 1848 года не было уже въ Европѣ ни одной успешной попытки революціи.

П.

Явленіе это совершенно новое и свойственное только нашему времени. Какъ ни могущественны были Неронъ, Чингисъ-ханъ, Карль великий, они не могли подавлять возстанія на краяхъ своихъ

владѣній, а тѣмъ болѣе не могли руководить духовной дѣятельностью своихъ подданныхъ: ихъ образованіемъ, воспитаніемъ, религіознымъ направленіемъ. Теперь же всѣ средства для этого въ рукахъ правительства.

Не одинъ парижскій макадамъ*), замѣнившій булыжникъ мостовыхъ, сдѣлалъ невозможными баррикады во время революцій въ Парижѣ, такіе «макадамы» въ продолженіе послѣдней половины 19-го столѣтія появились во всѣхъ отрасляхъ государственного управления: тайная полиція, шпіонство, подкупы прессы, желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, фотографіи, тюрьмы, крѣпости, огромныя богатства, воспитаніе молодыхъ поколѣній и, главное, войско—въ рукахъ правительства.

И все такъ организовано, что самые бездарные, глупые правители почти рефлексивно, изъ чувства самосохраненія, никогда не допускать серьезныя подготовленія къ восстанію и всегда безъ всякихъ усилий подавлять тѣ слабыя попытки открытаго восстанія, которые изрѣдка еще дѣлаютъ отсталые отъ времени революціонеры, только усиливая этими попытками власть правительства.

Единственное средство теперь одолѣнія правительства представляется въ томъ, что войско, составленное изъ людей народа, понявъ несправедли-

*.) До захвата власти Наполеономъ III, въ 1851 г., парижскія улицы большею частью мостились крупнымъ булыжникомъ, которымъ народу было удобно пользоваться во время восстаній для сооруженія баррикадъ противъ войскъ. Во избѣженіе повторенія этого, улицы Парижа, со времени Наполеона III, перестали такъ мостить, замѣнивъ булыжникъ плотно убитымъ пескомъ со щебнемъ,—такъ называемымъ „макадамомъ“.

Ред.

вость, жестокость и вредъ для себя правительства, перестанеть поддерживать его. Но и въ этомъ отношеніи правительства, зная, что главная сила ихъ въ войскѣ, такъ организовали его комплектованіе и дисциплину, что никакая пропаганда въ народѣ не можетъ вырвать войско изъ рукъ правительства. Ни одинъ человѣкъ, находящійся въ войскѣ и подвергшійся той гипнотизирующей муштровкѣ, которая называется дисциплиной, несмотря ни на какія политическія убѣжденія, находясь въ строю, не можетъ не повиноваться командѣ, такъ же какъ не можетъ не мигнуть глазъ, на который направленъ ударъ. Двадцати же лѣтніе мальчики, которые набираются въ службу и воспитаны въ ложномъ, церковномъ или материалистическомъ и притомъ патріотическомъ духѣ, не могутъ отказаться отъ службы, какъ не могутъ не повиноваться дѣти, когда ихъ посылаютъ въ школу. Поступивъ же на службу, эти юноши, какихъ бы они ни были убѣждены, благодаря вѣками выработанной искусственной дисциплинѣ, въ одинъ гдѣ передѣлываются неизбѣжно въ покорныя орудія власти. Если и встрѣчаются рѣдкіе случаи—одинъ на десять тысячъ—отказовъ отъ военной службы, то это дѣлаютъ только такъ называемые сектанты, поступающіе такъ изъ религіозныхъ, не признаваемыхъ правительствами, убѣжденій. Такъ что въ наше время въ европейскомъ мірѣ, если только правительство желаетъ удержать свою власть (а оно не можетъ не желать этого, потому что уничтоженіе власти влечетъ за собою погибель правителей), никакое серьезнное восстаніе не можетъ организоваться, а если и организуется что-нибудь подоб-

ное, то юно всегда будетъ подавлено и не будетъ имѣть никакихъ другихъ послѣдствій, кроме погибели многихъ легкомысленныхъ людей и усиленія власти правительства. Этого могутъ не видѣть революціонеры, соціалисты, руководимые отсталыми преданіями и увлеченные борьбой, ставшей для нѣкоторыхъ опредѣленной профессіей, но не могутъ не видѣть всѣ люди, свободно смотрящіе на историческія события.

Явленіе это совершенно новое, и потому и дѣятельность людей, желающихъ измѣнить существующій строй, должна сообразоваться съ этимъ новымъ въ европейскомъ мірѣ положеніемъ существующей власти.

III.

Шедшая въ продолженіе долгихъ вѣковъ борьба между властью и народомъ сначала приводила къ замѣнѣ одной власти другою, и этой другой еще третьей и т. д. Съ половины же прошлаго вѣка въ нашемъ европейскомъ мірѣ власть существующихъ правительствъ, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ нашего времени, обставилась такой защитой, что борьба съ нею силой стала невозможна. И по мѣрѣ того, какъ власть достигала все большей и большей степени силы, она все болѣе и болѣе обнаруживала свою несостоятельность: все болѣе и болѣе становилось очевиднымъ внутреннее противорѣчіе, заключающееся въ понятій благодѣтельной власти, и насилия, составляющаго сущность всякой власти; становилось очевиднымъ, что власть, для того, чтобы быть bla-

годътельной, должнаствующая быть въ рукахъ са-
мыхъ лучшихъ людей, находилась всегда въ ру-
кахъ худшихъ людей, такъ какъ лучшіе люди, по
самому свойству власти, состоящему въ употребле-
ніи насилия надъ ближнимъ, не могли желать вла-
сти и потому никогда не пріобрѣтали и не удер-
живали ея.

Противорѣчіе это такъ очевидно, что, казалось
бы, всѣ люди всегда должны были видѣть его. А
между тѣмъ торжественная обстановка власти,
страхъ, возбуждаемый ею, и инерція преданія были
такъ могущественны, что прошли вѣка, тысячелѣ-
тія прежде, чѣмъ люди поняли свое заблужденіе.
Только въ послѣднее время стали люди понимать,—
несмотря на всю ту торжественность, которой всегда
облекаетъ себя власть,—что сущность ея состоить
въ томъ, чтобы угрожать людямъ лишениемъ соб-
ственности, свободы, жизни, и приводить эти угрозы
въ исполненіе, и что поэтому люди, которые,
какъ короли, императоры, министры, судьи и дру-
гие, посвящаютъ свою жизнь этимъ дѣламъ безъ
всякаго другого повода, кромѣ желанія удержать
свое выгодное положеніе,—не только не бываютъ
лучшими, но всегда худшими людьми, а будучи
таковыми, не могутъ своею властью содѣйствовать
благу людей, а, напротивъ, всегда составляли и
составляютъ одну изъ главныхъ причинъ обще-
ственныхъ бѣдствій человѣчества. И потому власть,
прежде вызывавшая въ народѣ восторгъ и предан-
ность, теперь въ большей и лучшей части людей
вызываетъ не только равнодушіе, но часто презрѣ-
ніе и ненависть. Эта болѣе просвѣщенная часть лю-
дей понимаетъ теперь, что вся та торжественная

обстановка, которую окружаетъ себя власть, есть ничто иное, какъ красная рубашка и плисовые штаны палача, выдѣляющіе его отъ другихъ острожниковъ за то, что онъ береть на себя самое безнравственное и отвратительное дѣло: казнить людей.

Сознавая же такое, все болѣе и болѣе распространяющееся въ народѣ, отношеніе къ себѣ, власть въ наше время уже не опирается на духовные начала: помазанничество, избраніе народа, или святыхъ людей, а держится однимъ насилиемъ. Держась же на одномъ насилии, власть, вслѣдствіе этого, еще болѣе теряетъ довѣріе народа. Теряя же довѣріе, она вынуждена прибѣгать къ все большему и большему захвату всѣхъ проявленій народной жизни и вслѣдствіе этого захвата вызываетъ еще большее недовольство собою.

IV.

Власть стала несокрушима и держится уже не духовными разумными основами помазанія, избрания, представительства, а держится одною силою. И вмѣстѣ съ этимъ народъ перестаетъ вѣрить во власть и уважать ее и покоряется ей только потому, что нельзя иначе.

И вотъ съ половины прошедшаго столѣтія съ того самаго времени, какъ власть въ одно и то же время стала несокрушима и потеряла свое оправданіе и свой престижъ *) въ народѣ, начинаетъ среди

*) Престижъ—иностранные слово, по-русски приблизительно обозначающее: внушительность, обаяніе. Ред.

людей проявляться ученіе о томъ, что свобода — не та фантастическая свобода, которую проповѣдуютъ сторонники насилия, утверждая, что человѣкъ, подъ страхомъ наказанія обязанный исполнять распоряженія другихъ людей, свободенъ, а та единая и истинная свобода, которая состоить въ томъ, что каждый человѣкъ можетъ жить и поступать по собственному разсужденію — платить или не платить подати, идти или не идти на службу, дружить или враждовать съ сосѣднимъ народомъ, — что такая настоящая свобода несовмѣстима съ какою-либо властью однихъ людей надъ другими.

По ученію этому власть не есть, какъ это думали прежде, нѣчто божественное и величественное, не есть также необходимое условіе общественной жизни, а есть только послѣдствіе грубаго насилия однихъ людей надъ другими. Будетъ ли власть въ рукахъ Людовика XVI, или комитета общественного спасенія, директоріи, или консульства, Наполеона, или Людовика XVIII, султана, президента, богдахана, или первого ministра, — вездѣ, гдѣ будетъ власть однихъ людей надъ другими, не будетъ свободы, а будетъ угнетеніе однихъ людей другими. И потому власть должна быть уничтожена.

Но какъ уничтожить ее? И какъ, уничтоживъ власть, устроить такъ, чтобы безъ власти люди не вернулись къ дикому состоянію грубаго насилия другъ надъ другомъ?

Всѣ анархисты, какъ называются проповѣдники этого ученія, совершенно согласно между собою отвѣчаютъ на первый вопросъ тѣмъ, что власть для того, чтобы быть дѣйствительно уничтожен-

ной, должна быть уничтожена не силою, а сознаниемъ людей безполезности и вреда власти. На второй же вопросъ: какъ должно быть устроено общество безъ власти? — анархисты отвѣчаютъ различно.

Англичанинъ Годвинъ, жившій въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, и французъ Прудонъ, писавшій въ половинѣ прошлаго вѣка, на первый вопросъ отвѣчаютъ тѣмъ, что для уничтоженія власти достаточно сознанія людей о томъ, что *общее благо* (Годвинъ) и *справедливость* (Прудонъ) нарушаются властью; и что, если распространить въ народѣ убѣжденіе о томъ, что *общее благо и справедливость* могутъ быть осуществлены только при отсутствіи власти, то власть сама собой уничтожится.

На второй же вопросъ: какимъ образомъ обезпечится безъ власти благоустройство общества, и Годвинъ, и Прудонъ отвѣчаютъ тѣмъ, что люди, руководимые сознаніемъ *общаго блага* (по Годвину) и *справедливостью* (по Прудону), естественно найдутъ наиболѣе разумныя, справедливыя и выгодныя для всѣхъ формы жизни.

Другіе же анархисты, какъ Бакунинъ и Кропоткинъ, хотя и признаютъ также средствомъ уничтоженія власти сознаніе массъ во вредѣ ея и въ несоответствіи ея съ прогрессомъ человѣчества, считаютъ однако возможной и даже нужной революцію, къ которой совѣтуютъ подготавливать людей. На второй же вопросъ отвѣчаютъ тѣмъ, что, какъ скоро будетъ уничтожено государственное устройство и собственность, то люди естественно сложатся въ разумныя, свободныя и выгодныя условія жизни.

Почти такъ же, какъ и другіе, отвѣчаютъ на вопросъ объ средствахъ уничтоженія власти нѣмецъ Максъ Штирнеръ и американскій писатель Тѣккеръ. Оба они полагаютъ, что если бы люди понимали, что личный интересъ каждого человѣка служить совершенно достаточнымъ и законнымъ руководителемъ поступковъ людей и что власть только препятствуетъ проявленію въ должной мѣрѣ этого руководящаго начала жизни людей, — то власть сама собою уничтожилась бы и вслѣдствіе неповиновенія, и, главное, какъ говорить, Тѣккеръ, вслѣдствіе неучастія въ ней. Отвѣтъ же ихъ на второй вопросъ состоить въ томъ, что люди, освобожденные отъ суевѣрія и необходимости власти, слѣдя только личному интересу, сами собою сложатся въ наиболѣе правильныя и выгодныя для каждого общественныя формы жизни.

Всѣ эти ученія совершенно правы въ томъ, что если власть должна быть уничтожена, то совершившись это можетъ никакъ не силою, такъ какъ власть, уничтожившая власть, останется властью, но совершившись это можетъ только уясненіемъ сознанія людей о томъ, что власть бесполезна и вредна и люди не должны ни повиноваться ей, ни участвовать въ ней. Истина эта неспровержима: власть можетъ быть уничтожена только разумнымъ сознаніемъ людей. Но въ чёмъ должно состоять это сознаніе? Анархисты и полагаютъ, что это сознаніе можетъ быть основано на соображеніяхъ обѣ общемъ благѣ, справедливости, прогрессѣ, или личномъ интересѣ людей. Но не говоря уже о томъ, что всѣ эти основы несогласны между собою, самая опредѣленія того, въ чёмъ состоять обѣ

благо, справедливость, прогрессъ или личный интересъ, понимаются людьми безконечно разнообразно. Поэтому невозможно предполагать, чтобы люди, несогласные между собою и различно понимающіе тѣ основы, во имя которыхъ они противятся власти, могли бы уничтожить столь твердо установленную и искусно защищающую себя власть. Предположеніе же о томъ, что соображенія объ общемъ благѣ, справедливости, или законѣ прогресса могутъ быть достаточны для того, чтобы люди, освободившіеся отъ власти, но не имѣющіе никакой причины для того, чтобы жертвовать своимъ личнымъ благомъ благу общему, сложились бы въ справедливыя, не нарушающія взаимную свободу условія, — еще болѣе неосновательно. Теорія же утилитарно-эгоистическая Макса Штирнера и Тѣккера, утверждающихъ, что слѣдованіе каждымъ своему личному интересу установить справедливыя отношенія между всѣми, не только произвольно, но и совершенно противоположно тому, что происходило и происходит въ дѣйствительности.

Такъ что, справедливо признавая единственнымъ средствомъ уничтоженія власти духовное орудіе, ученіе анархизма, держась нерелигіознаго материалистического мировоззрѣнія, не имѣть этого духовнаго орудія и ограничивается предположеніями и мечтаніями, дающими возможность защитникамъ насилия, благодаря невѣрности предлагаемыхъ средствъ осуществленія ученія, отрицать истинныя основы его.

Духовное же орудіе это есть только одно, давно известное людямъ, всегда уничтожавшее власть и

всегда дававшее людямъ, пользующимся этимъ орудіемъ, полную, ничѣмъ неотъемлемую свободу. Орудіе это есть только одно: такое религіозное пониманіе жизни, при которомъ человѣкъ считаетъ свою земную жизнь только частичнымъ проявлениемъ всей жизни, связываетъ свою жизнь съ безконечной жизнью и, признавая свое высшее благо въ исполненіи законовъ этой безконечной жизни, считаетъ для себя исполненіе этихъ законовъ болѣе обязательнымъ, чѣмъ исполненіе какихъ бы то ни было человѣческихъ законовъ.

Только такое религіозное міровоззрѣніе, соединяя всѣхъ людей въ одинаковомъ пониманіи жизни, несовмѣстимомъ съ подчиненіемъ власти и участіемъ въ ней, дѣйствительно уничтожаетъ власть.

И только такое міровоззрѣніе дастъ возможность людямъ и безъ участія власти сложиться въ разумныя и исправедливыя формы жизни.

И удивительное дѣло, что только послѣ того, какъ люди были приведены самою жизнью къ убѣжденію о томъ, что существующая власть несокрушима и въ наше время не можетъ быть разрушена силою, они поняли ту, до смѣшного очевидную истину, что власть и все зло, производимое ею, суть только послѣдствія дурной жизни людей, и что поэтому для уничтоженія власти и зла, производимаго ею, нужна добрая жизнь людей.

Люди начинаютъ понимать это. Теперь же имъ предстоить понять еще и то, что для доброй жизни людей есть только одно средство: исповѣданіе и исполненіе религіознаго ученія, свойственаго и понятнаго большинству людей.

Только посредствомъ исповѣданія и исполненія

людьми такого религіозного учения, люди могутъ достигнуть того идеала, который возникъ теперь въ ихъ сознаніи и къ которому они стремятся.

Всякія же другія попытки уничтоженія власти и устроенія безъ власти доброй жизни людей есть только напрасная трата силъ и не приближаетъ, а только удаляетъ людей отъ той цѣли, къ которой они стремятся *).

V.

Вотъ это я и хотѣлъ сказать вамъ, искреннимъ людямъ, которые, не довольствуясь эгоистической жизнью, желаютъ отдать свои силы на служеніе братьямъ. Если вы принимаете участіе или хотите принимать участіе въ государственной дѣятельности и этимъ путемъ служить народу, то подумайте о томъ, что такое всякое правительство, держащееся властью? Поставивъ же себѣ этотъ вопросъ, вы не можете не видѣть, что нѣтъ ни одного правительства, которое не совершило бы, не готовилось бы совершать, не опиралось бы на насилия, грабительства, убийства.

Мало известный американский писатель Торо въ своемъ трактатѣ о томъ, почему человѣкъ обязанъ не повиноваться правительству, разсказываетъ, какъ онъ отказался заплатить американскому правительству одинъ долларъ подати, объясняя свой отказъ тѣмъ, что не хочетъ своимъ долларомъ уча-

*) См. мою статью о религії. *Авт.* („Что такое религія и въ чёмъ сущность ея?“ Издание „Свободного Слова“ № 75, 1902 г. Цѣна 60 коп. Ред.).

ствовать въ дѣлахъ правительства, разрѣшающаго рабство негровъ. Развѣ не то же самое можетъ и долженъ чувствовать по отношенію своего правительства, не говорю уже русскій человѣкъ, но гражданинъ самаго передового государства Америки съ ея поступками на Кубѣ, Филипинахъ, отношеніемъ къ неграмъ, изгнаніемъ китайцевъ, или — Англіи съ ея опіумомъ, бурами, или — Франціи съ ея ужасами милитаризма?

И потому искренній человѣкъ, желающій служить людямъ, если только онъ серіозно далъ себѣ отчетъ о томъ, что такое всякое правительство, не можетъ участвовать въ немъ иначе, какъ только на основаніи правила, что цѣль оправдываетъ средства.

Но такая дѣятельность всегда была вредна, какъ тѣмъ, для кого она предпринималась, такъ и тѣмъ, кто отдавался ей.

Вѣдь дѣло очень просто. Вы хотите, подчиняясь правительству, пользуясь его законами, отвоевать у него большую свободу и права народу. Но свобода и права народа въ обратномъ отношеніи съ властью правительства, вообще правящихъ классовъ. Чѣмъ больше будетъ свободы и правъ у народа, тѣмъ меньше будетъ власти и выгоды отъ нея у правительства. Правительства знаютъ это и, имѣя въ рукахъ власть, охотно допускаютъ всякаго рода либеральную болтовню и даже нѣкоторыя ничтожныя либеральные мѣры, оправдывающія его власть, и тотчасъ же силою прекращаютъ такія либеральные поползновенія, которые угрожаютъ не только выгодамъ правителей, но самому ихъ существованію. Такъ что всѣ ваши усиленія че-

резь власть администраціи, или черезъ парламенты служить народу приведуть въсъ только къ тому, что вы своей дѣятельностью усилите власть правящихъ классовъ и будете, смотря по степени вашей искренности, безсознательно или сознательно, участвовать въ ней. Такъ это для людей, желающихъ служить народу посредствомъ существующихъ государственныхъ учрежденій.

Если же вы принадлежите къ искреннимъ людямъ, желающимъ служить народу революціонно-соціалистической дѣятельностью; то, не говоря уже о недостаточности той цѣли матеріального, никогда никого неудовлетворяющаго благосостоянія людей, къ которой вы стремитесь, подумайте и о тѣхъ средствахъ, которыя вы имѣете для достиженія ея. Средства эти, во 1 - хъ, и главное, безнравственны, включая въ себѣ: ложь, обманъ, насилие, убийства; во 2 - хъ, средства эти ни въ какомъ случаѣ не достигаютъ цѣли. Сила и осторожность правительства; защищающихъ свое существованіе, такъ велики въ наше время, что никакія хитрости, обманы, жестокости — не только не свергнутъ, но не пошатнутъ ихъ. Всѣ попытки революцій теперь только даютъ новыя оправданія насилию правительству и увеличиваютъ ихъ могущество.

Но если и допустить невозможное, что революція въ наше время увѣнчалась бы успѣхомъ, то, во-1-хъ, почему думать, что противно тому, что постоянно совершалось, власть, разрушившая власть, увеличила бы свободу людей и стала бы болѣе благодѣтельной, чѣмъ та, которую она разрушила? Во-2-хъ, если бы было возможно противное здравому смыслу и опыту предположеніе, что власть,

уничтожившая власть, дала бы свободу людямъ установить, какія они считаютъ наиболѣе полезными для себя, условія жизни, то нѣть никакого основанія думать, чтобы люди, живущіе эгоистичною жизнью, установили между собой условія лучшія, чѣмъ прежнія.

Пускай королева дагомейцевъ издастъ самую либеральную конституцію и даже осуществить то, по мнѣнію соціалистовъ, спасающее людей отъ всѣхъ ихъ бѣдствій, обобществленіе орудій труда,— необходимо будетъ кому-нибудь имѣть власть для того, чтобы исполнялась конституція и орудія труда не были бы захвачены въ частныя руки. А какъ скоро люди эти будутъ дагомейцы, съ ихъ міровоззрѣніемъ, то очевидно, что, хотя и въ другой формѣ, но насилие однихъ дагомейцевъ надъ другими будетъ такое же, какъ и безъ конституціи, и безъ обобществленія орудій труда. Прежде, чѣмъ осуществить соціалистическое устройство, надо, чтобы дагомейцы потеряли вкусъ къ кровавымъ жертвамъ. Точно то же нужно и для европейцевъ.

Для того, чтобы люди могли жить общею жизнью, не угнетая одни другихъ, нужны не учрежденія, поддерживаемыя силою, а такое нравственное состояніе людей, при которомъ люди, по внутреннему убѣжденію, а не по принужденію, поступали съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними. И такие люди есть. Они есть въ религіозныхъ христіанскихъ общинахъ въ Америкѣ, въ Россіи, въ Канадѣ, такие люди дѣйствительно, живя безъ законовъ, поддерживаемыхъ силой, живутъ общею жизнью, не угнетая другъ друга.

И потому разумная и свойственная нашему времени дѣятельность для людей нашего христіанского общества есть только одна: исповѣданіе и проповѣданіе словомъ и дѣломъ послѣдняго и высшаго извѣстнаго намъ религіознаго ученія, ученія христіанскаго, не того христіанскаго ученія, которое, подчиняясь существующему строю жизни, требуетъ отъ людей только исполненія виѣшнихъ обрядовъ или довольствуется вѣрою и проповѣдью въ спасеніе искупленіемъ, а того жизненнаго христіанства, неизбѣжнымъ условіемъ котораго есть не только неучастіе въ дѣлахъ правительства, но неповиненіе его требованіямъ, такъ какъ эти требованія — отъ податей и таможень, до судовъ и войска — всѣ противны этому истинному христіанству.

А если это такъ, то очевидно, что не на установленіе новыхъ формъ должна быть направлена дѣятельность людей, желающихъ служить ближнему, а на измѣненіе и совершенствованіе свойствъ, какъ своихъ, такъ и другихъ людей.

Люди, поступающіе противно этому, обыкновенно думаютъ, что одновременно могутъ совершенствоваться и формы жизни, и свойства, и мировоззрѣніе людей. Но думая такъ, люди дѣлаютъ обычную ошибку, принимая слѣдствіе за причину, а причину за слѣдствіе или сопутствующее явленіе.

Измѣненіе свойствъ и мировоззрѣнія людей неизбѣжно влечетъ за собой измѣненіе тѣхъ формъ, въ которыхъ жили люди; измѣненіе же формъ жизни не только не содѣйствуетъ измѣненію свойствъ и мировоззрѣній людей, но болѣе всего препятствуетъ этому измѣненію, направляя на ложный путь вни-

маніе и дѣятельность людей. Измѣнить формы жизни, надѣясь этимъ средствомъ измѣнить свойства и міровоззрѣнія людей, все равно, что перекладывать на разныя манеры сырья дрова въ печи, расчитывая на то, что есть такое расположение сырыхъ дровъ, при которомъ онъ загорятся. Загорятся только сухія дрова независимо отъ того, какъ онъ сложены.

Заблужденіе это такъ очевидно, что люди не могли бы поддаваться ему, если бы не было располагающей ихъ къ этому обману причины. Причина эта въ томъ, что измѣненіе свойствъ людей должно начинаться съ самого себя и требуетъ много борьбы и труда; измѣненіе же формъ жизни другихъ дѣлается легко, безъ внутренней работы надъ самимъ собой и имѣеть видъ очень важной, значительной дѣятельности.

Вотъ противъ этого-то заблужденія, источника величайшаго зла, я и предостерегаю васъ, людей, искренно желающихъ своею жизнью служить ближнему.

VI.

«Но мы не можемъ спокойно жить, занимаясь исповѣданіемъ и проповѣданіемъ христіанства, когда видимъ вокругъ насъ страдающихъ людей. Мы хотимъ дѣятельно служить имъ. Мы готовы отдать свои труды, даже свою жизнь для этого», говорять люди съ болѣе или менѣе искреннимъ негодованіемъ.

Но почему вы знаете, отвѣтилъ бы я этимъ людямъ, что вы призваны служить людямъ именно тѣмъ способомъ, который кажется вамъ самымъ полезнымъ и дѣйствительнымъ? Вѣдь то, что вы говорите, показываетъ только, что вами уже решено, что служить человѣчеству нельзя христіанскою жизнью, а что настоящее служеніе есть только то служеніе политическою дѣятельностью, которое привлекаетъ васъ.

Но вѣдь всѣ политические дѣятели такъ же думаютъ и всѣ они враждебны между собою и потому уже навѣрно не всѣ правы. Очень хорошо бы было, если бы каждый могъ служить людямъ, какъ ему нравится, но вѣдь этого нѣтъ, а существовать только одно средство служить людямъ и улучшать ихъ положеніе. И единственное средство это состоять въ исповѣданіи и исполненіи такого ученія, изъ которого вытекаетъ внутренняя работа совершенствованія самого себя. Самосовершенствованіе же истиннаго христіанина, всегда естественно живущаго среди людей и не удаляющагося отъ нихъ, состоить въ установлениі лучшихъ, болѣе и болѣе любовныхъ отношеній между собою и другими людьми. Установленіе же любовныхъ отношеній между людьми не можетъ не улучшать общаго положенія людей, хотя и форма этого улучшенія остается неизвѣстной человѣку.

Правда, что служа правительственной дѣятельностью, парламентской, или революціонной, мы впередъ опредѣляемъ тѣ результаты, которыхъ хотимъ достигнуть, и при этомъ можемъ пользоваться всѣми преимуществами пріятной, роскошной жизни и пріобрѣсти блестящее положеніе, одобре-

ніе людей и великую славу. Если же и приходится иногда пострадать участвующимъ въ такой дѣятельности, то это такая возможность страданій, которая, какъ и во всякой борьбѣ, выкупается возможностью успѣха. Въ военной дѣятельности еще болѣе возможны страданія и даже смерть, а между тѣмъ только самые мало нравственные и эгоистические люди избираютъ ее.

Религіозная же дѣятельность, во 1-хъ, не показываетъ намъ тѣхъ результатовъ, которыхъ она достигаетъ, во 2-хъ, дѣятельность эта требуетъ отреченія отъ внѣшняго успѣха и не только не доставляетъ блестящаго положенія и славы, но приводить людей къ самому низкому въ общественномъ смыслѣ положенію, подвергаетъ ихъ не только презрѣнію и осужденію, но самымъ жестокимъ страданіямъ и смерти.

Такъ въ наше время общей воинской повинности религіозная дѣятельность заставляетъ каждого человѣка, призываемаго къ служенію убийству, понести всѣ тѣ наказанія, которыми за отказъ отъ службы наказываетъ правительство. И потому религіозная дѣятельность трудна, но за то, она одна даетъ человѣку сознаніе истинной свободы, увѣренность въ томъ, что онъ дѣлаетъ то, что долженъ дѣлать.

И отъ этого дѣятельность эта одна истинно плодотворна, достигая, кроме своихъ высшихъ цѣлей, еще и попутно, самымъ естественнымъ и простымъ способомъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ такими искусственными путями стремятся общественные дѣятели.

Такъ что средство служенія людямъ есть только

одно единственное, состоящее въ томъ, чтобы самому жить хорошую жизнью. И средство это не только не мечтательно, какъ думаютъ тѣ, кото-рымъ оно не выгодно, но мечтательны всѣ другія средства, которыми руководители массъ, увлека-ютъ ихъ на ложный путь, сбивая ихъ съ единствен-наго истиннаго.

VII.

«Но если это и такъ, то когда же это будетъ?» говорятъ люди, желающіе какъ можно скорѣе уви-деть осуществленіе этого идеала.

Было бы, конечно, гораздо лучше, если бы можно было сдѣлать это очень скоро, сейчасъ же.

Было бы очень хорошо, если бы можно было скоро, сейчасъ возрастить лѣсъ. Но этого нельзя сдѣлать, надо ждать, пока сѣмена дадутъ ростки, потомъ листки, потомъ стебли и потомъ выра-стутъ въ деревья.

Можно натыкаться вѣтки, и на короткое время это будетъ похоже на лѣсъ, но это будетъ только подобіе. То же самое и съ скорымъ благоустрой-ствомъ общества людей. Можно устроить подобіе благоустройства, какъ и дѣлаютъ это правитель-ства, но подобія эти только отдалаютъ возмож-ность настоящаго благоустройства. Они отдалаютъ эту возможность, во-первыхъ, тѣмъ, что обманы-ваютъ людей, показывая имъ видимость благо-устройства тамъ, гдѣ его нѣть; во-вторыхъ, —тѣмъ, что эти подобія благоустройства достигаются толь-

ко властью, а власть развращает людей, какъ властвующихъ, такъ и подвластныхъ, и потому дѣлаетъ менѣе возможнымъ истинное благоустройство.

И потому попытки скораго осуществленія идеала не только не содѣйствуютъ, но болѣе всего препятствуютъ его дѣйствительному осуществленію.

Такъ что решеніе вопроса о томъ, скоро или не скоро осуществится идеалъ человѣчества—благоустроенное общество безъ насилия—зависитъ отъ того, скоро ли поймутъ искренно желающіе добра народу руководители массъ, что ничто столько не отдѣляетъ людей отъ осуществленія ихъ идеала, какъ то, что они дѣлаютъ теперь: именно поддержаніе старыхъ суевѣрій, или отрицаніе всякой религіи и направление дѣятельности народа на служеніе правительству, революціи, соціализму... Только бы поняли люди, искренно желающіе служить ближнему, всю тщету, предлагаемыхъ государственниками и революціонерами средствъ устроенія блага людей; поняли бы, что одно единственное средство избавленія людей отъ ихъ страданій—въ томъ, чтобы люди сами перестали жить эгоистичной, языческой жизнью, а начали жить жизнью обще-человѣческой, христіанской и не признавали, какъ теперь, возможнымъ и законнымъ пользоваться насилиемъ надъ близкими и участвовать въ немъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей,—а, напротивъ, слѣдовали бы въ жизни основному и высшему закону поступать съ другими какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой,—и очень быстро разрушились бы тѣ неразумныя и жестокія формы жизни, въ которыхъ мы живемъ теперь,

и сложились бы новые, свойственные новому сознанию людей.

Только подумать о томъ, какія огромныя и прекрасныя духовныя силы тратятся теперь на служеніе отжившему свое время государству и защитъ его отъ революціи, сколько тратится молодыхъ, горячихъ силъ на попытки революціи, на невозможную борьбу съ государствомъ, сколько тратится на соціалистической неосуществимыя мечтанія. И все только затѣмъ, чтобы не только отдалить, но сдѣлать невозможнымъ осуществленіе того блага, къ которому стремятся всѣ люди. Чѣмъ бы было, если бы всѣ люди, такъ безплодно и часто съ вредомъ для ближняго тратящіе свои силы, направили бы ихъ всѣ на то, чѣмъ одно даетъ возможность доброй общественной жизни,—своё внутреннее совершенствованіе?

Сколько бы разъ успѣли построить изъ новаго, прочнаго матеріала новый домъ, если бы всѣ тѣ усилия, которыя тратились и тратятся теперь на подпорки старого дома, употреблены были решительно и добросовѣстно на приготовленіе матеріала и постройку нового дома, который, хотя очевидно и не могъ бы быть въ первое время такъ же роскошенъ и удобенъ для нѣкоторыхъ и избранныхъ, какъ былъ старый, былъ бы несомнѣнно прочнѣе и представлялъ бы полную возможность усовершенствованій, нужныхъ не для однихъ избранныхъ, но и для всѣхъ людей.

Такъ что все, чѣмъ я сказалъ здѣсь, сводится къ той самой простой, всѣмъ понятной и неопровергимой истинѣ, чѣмъ для того, чтобы была добрая жизнь между людьми, нужно, чтобы люди были добрые.

Средство же воздѣйствія на добрую жизнь людей есть только одно: своя добрая жизнь. А потому и дѣятельность людей, желающихъ содѣйствовать установлению доброй жизни людей, можетъ и должна быть только во внутреннемъ совершенствованіи—въ исполненіи того, что выражено въ евангелии словами: «будьте совершенны, какъ отецъ вашъ небесный».

1-29

085.

Издание „Единенія“.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Великий грѣхъ. Ц. 20 к.

О значеніи русской революціи. Ц. 30 к.

Пройзжай и крестьянинъ. — Истинная
свобода. Ц. 20 к.

Отвѣтъ Синоду. Ц. 10 к.

Неизбѣжный переворотъ. Ц. 20 к.

Законъ насилия и законъ любви. Ц. 60 к.

„Одумайтесь!“ Ц. 60 к.

Рабство нашего времени. Ц. 60 к.

Къ рабочему народу. Ц. 40 к.

Единое на потребу. Ц. 40 к.

Къ политическимъ дѣятелямъ. Ц. 20 к.

Единственное средство. Ц. 20 к.

Кругъ чтенія (окончательная версія пере-
работанная въ 1908 г.). Іюль. Ц. 1 р.

В. Г. ЧЕРТКОВЪ.

Дежурство въ военныхъ госпиталяхъ. Ц. 20 к.

Печатаются:

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Кругъ чтенія. Августъ, Сентябрь

Конецъ вѣка.

О наукѣ и др. статьи.

Николай Палкинъ (новая версія)

В. Г. ЧЕРТКОВЪ

Эпиктетъ. Его жизнь и учение.

Заказы адресовать: Москва, Петровскія лин

„Лосредникъ“ для „Единенія“